

Волковскія торжества.

9-го мая, въ первый день юбилейныхъ торжествъ состоялось чествованіе основателя перваго русскаго театра въ ярославскомъ городскомъ театрѣ и парадный спектакль, на которомъ была поставлена комедія Гоголя „Ревизоръ“ въ исполненіи артистовъ Александринскаго театра. Парадный спектакль закончился во второмъ часу. Затѣмъ состоялся раутъ въ думѣ. Говорились рѣчи, читались стихи. Во время послѣдней рѣчи, какъ свидѣтельствуетъ мѣстная газета „Сѣверный Край“, „косой лучъ восходящаго солнца блеснулъ въ залѣ. Ораторъ закончилъ словами поэта:

„Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“

Шумные аплодисменты закончили эту рѣчь“. Въ четыре часа утра гости встали изъ-за стола и сердечно благодарили радушныхъ хозяевъ за ихъ хлѣбосольное гостепримство“.

Программа третьяго дня празднествъ слѣдующая:

12 часовъ дня. Прогулка по Волгѣ на пароходахъ.

3 часа дня. Весельная гонка, организованная ярославскими отдѣленіемъ общества спасанія на водахъ.

8 часовъ вечера. Спектакль въ городскомъ театрѣ. Представленіе 2-й картины 3-го акта, 4-го и 5-го актовъ драмы А. Н. Островскаго „Гроза“, въ исполненіи артистовъ Императорскаго московскаго Малаго театра и комедіи А. В. Сухово-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“, въ исполненіи артистовъ Императорскаго Александринскаго театра, при участіи заслуженной артистки московскаго Малаго театра Н. В. Рыкаловой.

12-ть часовъ вечера. Вечеръ у ярославскаго предводителя дворянства камергера С. В. Михалкова.

Рѣчь директора Императорскихъ театровъ о значеніи сценическаго искусства.

Въ торжественномъ 10 мая засѣданіи ярославской губернской ученой архивной комиссіи, посвященномъ чествованію памяти основателя русскаго театра Волкова, князь С. М. Волконскій произнесъ слѣдующую рѣчь.

„Считаю своимъ первымъ долгомъ, — разъ на мою долю выпадаетъ лестная обязанность говорить отъ имени театровъ, — считаю долгомъ поблагодарить нашего любезнаго хозяина и господъ устроителей настоящаго торжества за то почетное участіе, къ которому мы, дѣятели на поприщѣ театральнаго искусства, приглашены въ сегодняшнемъ праздникѣ русскаго самосознанія. Немало юбилеевъ справляли мы за послѣдніе годы: наше время, увя, богаче воспоминаніями, чѣмъ дѣйствительностью, и при бѣдности современной жизни мы съ тѣмъ большей ревностью оберегаемъ завѣщанное изъ прошлаго, съ тѣмъ большимъ уваженіемъ вспоминаемъ имена завѣщателей.“

Блестящей чередой смѣнялись на нашихъ глазахъ юбилейныя торжества полководцевъ, ученыхъ, писателей, поэтовъ, художниковъ. Всегда въ этихъ торжествахъ видное мѣсто принадлежало те-

атральному искусству во всѣхъ его проявленіяхъ: музыка декламація, хореографія содѣйствовали блиску и интересу программы праздника; но, можетъ быть, въ первый разъ, именно сегодня, наше искусство является не украшеніемъ только, а самою сущностью торжества. Во всѣхъ другихъ случаяхъ участіе театра въ праздникъ было какъ бы побочное; не будь театра въ Россіи—другіе юбилеи могли бы обойтись и безъ него; нынѣшній юбилей безъ театра не имѣлъ бы ни возможности, ни причины состояться. Всякій изъ здѣсь присутствующихъ дѣятелей на сценическомъ поприщѣ можетъ, не погрѣшая противъ скромности, сказать себѣ: сегодняшній праздникъ на нашей улицѣ, мы празднуемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — насъ празднуютъ. И мы глубоко тронуты тѣмъ широкимъ, почти все-россійскимъ характеромъ, который сообщился настоящему торжеству, благодаря гостепримному призыву жителей этого города и отзывчивости другихъ городовъ.

Впрочемъ, не могло и быть иначе. Сегодняшній праздникъ не могъ не найти отклика въ сердцахъ; всякій, кто понимаетъ важность сознательнаго отношенія къ окружающимъ явленіямъ, кто ощущаетъ потребность привести себя въ ясность тѣ разнообразныя формы, въ которыя вливается перемѣнчивый потокъ нашей жизни, не можетъ не интересоваться театромъ. Всякій живой человѣкъ, любящій искусство, долженъ любить театръ, потому что театръ — самое живое изъ всѣхъ искусствъ.

Съ младенческаго возраста человечество одержимо потребностью изображать окружающую природу и себя, изображать себя, какимъ оно есть, или какимъ бы оно желало быть. Изъ дерева, изъ камня, изъ металла, изъ всего, что ни попадетъ подъ руку, еще дикарь-человѣкъ уже вырѣзываетъ, высѣкаетъ, лѣпннть. Еще дикарь, а онъ уже слагаетъ сказанія, сочиняетъ пѣсни — и рассказываетъ и поетъ о томъ, что было или могло бы быть; даже о томъ что никогда не могло быть. И вотъ рядомъ съ природой — дѣломъ рукъ Вождихъ, встаетъ искусство — дѣло рукъ человѣческихъ, рядомъ съ настоящей жизнью — другая жизнь, рядомъ съ дѣйствительностью — вымыселъ. Въ это области вымысла дѣйствительная жизнь отражается и изображается не полностью а только съ большей или меньшей степенью сходства, смотря по спеціальнымъ средствамъ того или другаго искусства. Каждое искусство въ этомъ отношеніи имѣетъ свои преимущества и недостатки. Живописецъ изображаетъ видимую поверхность предметовъ, но не можетъ изобразить ихъ объема: то, что въ природѣ имѣютъ три размѣренія, имѣетъ два размѣренія на картинѣ. Ваятель изображаетъ предметы въ полномъ объемѣ, зато ему недоступно изображеніе пространства въ такой мѣрѣ, какъ живописцу. И живописецъ, и ваятель способны изобразить лишь одинъ какой-нибудь моментъ, представляютъ предметы какъ бы навсегда остановившимися въ одномъ положеніи и не способны изобразить развитіе дѣйствія; писатель даетъ изображеніе жизни въ ея послѣдовательномъ развитіи, зато его картина развертывается предъ читателемъ только постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ читаетъ, тогда какъ картина

живописца предстаетъ предъ зрителемъ сразу. Словомъ, — въ каждомъ искусствѣ изображеніе дѣйствительности является съ какимъ-нибудь недочетомъ, и только одно искусство способно дать изображеніе жизни во всей ея полнотѣ, это — искусство драматическое: какъ живописецъ, оно воспроизводитъ видимость предметовъ, какъ скульптура, оно воспроизводитъ объемъ видимыхъ предметовъ, какъ литература, оно передаетъ дѣйствіе, болѣе того, — оно воспроизводитъ дѣйствіе въ его послѣдовательности, предлагая зрителю постепенно развивающуюся картину, проникнутую движеніемъ и оживленную рѣчью.

Театральное искусство — самое живое, потому что въ немъ жизнь отражается съ наибольшей полнотой. Оно самое живое, кромѣ того, по своему матеріалу: въ то время — какъ матеріаль другіихъ изобразительныхъ искусствъ — краски, камень, дерево, вообще мертвое вещество, матеріаль драматическаго искусства — живой человѣкъ, цѣликомъ, его плоть и кровь, его живая рѣчь, весь аппаратъ его страстей, чувствъ. Оно самое живое и потому, что, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ искусствахъ художникъ и его произведеніе существуютъ раздѣльно другъ отъ друга, въ сценическомъ искусствѣ они слиты воедино; живописецъ существуетъ отдѣльно отъ своей картины: онъ можетъ уйти, картина останется; актеръ и изображаемое имъ лицо — нераздѣльны: актеръ ушелъ со сцены, ушло и изображаемое имъ лицо. Этой нераздѣльностью художника и его произведенія объясняется сила, съ которою дѣйствуетъ драматическое искусство, но имъ же обуславливается и недолговѣчность впечатлѣнія: отъ всякаго художника что-нибудь остается, отъ актера остается одно воспоминаніе у современниковъ его. Наконецъ, еще причина, почему драматическое искусство самое живое: въ живописи занято наше зрѣніе, въ музыкѣ — слухъ, въ поэзіи — умъ, въ театрѣ заняты и зрѣніе, и слухъ, и умъ, — мы участвуемъ въ драматическомъ искусствѣ всей полнотой нашей природою духовной.

Такимъ образомъ, независимо даже отъ того, что по своему содержанию оно полнѣе другихъ искусствъ, а прямо по существу своему, въ силу тѣхъ особенностей, которыми оно отличается отъ другихъ искусствъ, драматическое искусство самое живое изъ всѣхъ. А если оно самое живое и самое полное, а съ другой стороны наша духовная природа участвуетъ въ немъ съ наибольшей полнотой, то мы должны признать, что степень совершенства и содержательности театральнаго искусства въ той или другой странѣ составляютъ одинъ изъ показателей духовной жизнеспособности народа, а интересъ, который народъ выказываетъ къ вопросамъ театра, и серьезность запросовъ, которые онъ къ театру предъявляетъ, — одинъ изъ показателей его культурной способности. Вотъ почему приветствуемъ сегодняшнее торжество. Когда вспомнимъ, что какихъ-нибудь двѣсти лѣтъ тому назадъ театръ еще считался грѣховнымъ дѣломъ и клеймился, какъ бѣсовское игрище, когда вспомнимъ, что какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ тому назадъ человѣкъ, поступавшій на сцену, подобно солдату, обез-

чествшему своей мундиръ, лишился значенья отличія, заслуженныхъ на государственной службѣ, мы поймемъ весь внутренний, духовный, человѣчскій смыслъ сегодняшняго венероднаго чествованія дѣятелей русскаго театра и этимъ чествованіемъ мы обязаны Ярославлю.

Въ рожденной намъ сегодня биографіи Волкова читаемъ, что ярославцы приглашались въ волковскій амбаръ посмотреть нѣкое лицедѣйство, крайне диковинное и до того времени въ Ярославлѣ невиданное“.

Нынѣ ярославцы приглашаютъ насъ посмотреть нѣкое лицедѣйство, крайне диковинное и до того времени въ Россіи невиданное.

Юбилейныя торжества имѣютъ значеніе въ томъ смыслѣ, что они отмѣчаютъ моменты въ развитіи общественнаго самосознанія. Какъ путникъ, идущій длиною дорогой, раавлекаетъ быстрой смѣной чередующихся впечатлѣній, вдругъ услышитъ дальній звонъ вечерняго колокола, останавливается, озирается, смотритъ, докуда онъ дошелъ, вспоминаетъ, откуда вышелъ, думаетъ о томъ, куда ему и сколько осталось идти, — такъ поколѣнія людей: рождаются, подростаютъ, собравъ пожитки своихъ духовныхъ способностей и силъ, отправляются въ тяжелый жизненный путь, — каждый въ свою сторону, каждый для себя, занятый смѣной чередующихся событій. И вдругъ „глаголь времени“ неумолимымъ звономъ возвращаетъ, что протекло столѣтіе; поколѣнія современниковъ останавливаются, озирается, люди на время бросаютъ свои частныя занятія, собираются вмѣстѣ и спрашиваютъ себя: „гдѣ мы, откуда вышли, куда идемъ?“ Откуда мы вышли, мы, адѣсь собравшіеся? Откуда, изъ Ярославля, изъ этой колыбели, къ которой притекли съ нашей земли. Гдѣ мы? до чего дошли? Увидимъ сегодня вечеромъ и въ слѣдующіе вечера: лучшія силы роднаго намъ искусства покажутъ намъ, до чего мы дошли, и думаю, что тѣни Волкова, Гоголя, Грибоѣдова и Островскаго не смутятся; не смутится и сердце маститаго писателя, который для береговъ отчизны дальней покинулъ край чужой, чтобы своимъ присутствіемъ украсить наше собраніе. Онъ увидитъ свое дѣтище, взлелѣянное съ любовью въ надежныхъ, опытныхъ рукахъ.

Куда идемъ? Будущее всегда подернуто мракомъ, но неисповѣдимыя глубины его озаряютъ свѣтомъ надежды, когда прошлое свѣтло; а наше прошлое полно явленій, внушающихъ силу и крѣпость для продолженія работы.

Первое столѣтіе русскаго театра совпадало съ самой блестящей порой русской сцены: искусство, которое въ сто лѣтъ времени свершило путь отъ Волкова до Щепкиныхъ, Мочаловыхъ, Садовскихъ, обладаетъ сильными задатками бодрости и адровья.

Не дадимъ же этимъ задаткамъ зачакнуть, поставимъ ихъ въ условія благоприятныя для ихъ развитія; всякое дѣяніе въ этомъ направленіи будетъ обезпеченіемъ будущаго, данью уваженія прошлому и вѣчнымъ вкладомъ въ духовный памятникъ того скромнаго, но великаго мужа, котораго мы чествуемъ сегодня“.

Единодушными, долго несмолкавшими аплодисментами поблагодарили собравшіеся оратора.